

Пушкин и „Идеалы“ Шиллера.

В пушкинской литературѣ признано, что Пушкин в Ленском дал типичный образ поэта-элегика, каких было много в концѣ XVIII и в началѣ XIX вѣка.¹⁾ С. Савченко установил и подробно разработал связь предсмертной элегии Ленскаго с французской элегіей²⁾.

Однако в эпоху Пушкина в русской лирикѣ существовало и другое элегическое теченіе, шедшее из Германіи.

Уже современники упрекали Жуковскаго в том, что он »первый у нас стал подражать новѣйшим нѣмцам, преимущественно Шиллеру«³⁾ и что благодаря ему к музам русских поэтов пристала »нѣмецкая хандра«, »у всѣх уныніем одѣлося чело, душа увянула, а сердце отцвѣло«⁴⁾. И сам Пушкин, представляя нам Ленскаго »с душою прямо геттингенской«, подчеркнул в нем нѣмецкое поэтическое вліяніе: »Под небом Шиллера и Гете их поэтическим огнем душа воспламенилась в нем« (гл. II, строфа X)⁵⁾. Наканунѣ дуэли, перед тѣм как написать свою предсмертную элегію, Ленскій ищет вдохновенія у любимаго поэта: »При свѣчкѣ Шиллера открыл« (VI, хх).

Слѣдовательно, необходимо поискать и вліянія Шиллера на Ленскаго. Не найдем-ли мы у самого автора и болѣе подробных указаній: какого-либо намека на то, какія именно произведенія Шиллера отразились на его героѣ? По нашему мнѣнію, такой намек нам дѣйствительно дан. Вдохновившись »поэтическим огнем« Шиллера, Ленскій »в лирическом жару« всю ночь писал свою элегію:

¹⁾ См. Бродскій: »Комментарій к Евгению Онегину«, Москва, 1932, стр. 71, 141—142, 143.

²⁾ См. С. Савченко: »Элегія Ленскаго и французская элегія« в сборникѣ: »Пушкин в мировой литературѣ«, Госизд., 1926 г.

³⁾ Кюхельбекер »О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, в послѣднее десятилѣтіе« в Мнемозинѣ (1824—1825 г.).

⁴⁾ Боратынскій в стихотвореніи Богдановичу. Обѣ цитаты беру у Тынянова »Архаисты и Пушкин« в сборникѣ: »Пушкин в мировой литературѣ«, стр. 275, 393.

⁵⁾ См. соч. Пушкина, изд. Поливанова, 1901 г., т. IV.

И, наконец, перед зарею
Склоняюсь усталой головою,
На модном словѣ идеал
Тихонько Ленскій задремал (VI, xxiii).

Слово «идеал» Пушкин недаром напечатал разрядкой. Очевидно, он хотѣл обратить на него вниманіе читателя. Оно и дает нам ключ. Это «модное слово» часто встрѣчается в лирикѣ Шиллера¹⁾, а его извѣстная элегія «Die Ideale» была так популярна у нас в началѣ XIX вѣка, что вызвала цѣлый ряд переводов и подражаній, а в одном из подражаній Жуковскаго («Отрывок» 1806 г.) находим и самое слово: «идеал святой».

«Идеалы» Шиллера могли послужить исходным пунктом для импровизаціи и Ленскаго, так как начинаются тѣм же мотивом, что и его элегія: прощаньем с золотым временем жизни — юностью, а в переводах Жуковскаго находим даже тѣ же слова с повторным вопросом «куда?», как и у Ленскаго. Ср. «О счастье дней моих! Куда, куда стремишься?» (Отрывок, 1806 г.), «О дней моих весна златая . . . Куда полет свой устремила?» (Мечты)²⁾.

Конечно, нельзя отрицать, что этот мотив — сожалѣніе о веснѣ жизни — и даже самая форма, в которую оно облечено, общи у Шиллера с французской элегіей, ср., на примѣр, начало элегіи Жильбера в переводѣ Милонова:

«О дней моих весна! Куда сокрылась ты?»³⁾.

При том, другой мотив — предчувствіе близкой смерти — дѣлает элегію Ленскаго ближе к французской элегіи, чѣм к Шиллеру. Но зато вліяніе «Идеалов» сказалось в ближайших же к ней строфах так ярко, как будто и сам Пушкин, перед тѣм как рассказать о смерти Ленскаго, искал вдохновенія у Шиллера и его русских подражателей⁴⁾. Он оплакивает гибель Ленскаго и с ним его идеальных стремленій (VI, xxxvi), свои собствен-

¹⁾ Ср. «Die Ideale», «Das Ideal und das Leben», «Das weibliche Ideal», «Die idealische Freiheit».

²⁾ См. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, под редакціей А. С. Архангельскаго, Спб., 1902 г.

³⁾ См. Сатиры, посланія и другія мѣлкія стихотворенія Михайла Милонова, члена С. Петербургскаго вольнаго общества словесности, наукъ и художествъ, Спб., 1819 г., стр. 105.

⁴⁾ Шиллер у Пушкина в это время дѣйствительно был под рукой. Шестая глава (дуэль и смерть Ленскаго) написана, по указанію самого Пушкина, в Михайловском в 1826 году, а Плетнев, высылая ему заказанныя им книги, писал ему 21 января 1826 г.: «За письма de Junius заплатил 40 руб., театр de Schiller 40 руб., да его мелкія стихотворенія особо 3 руб.» (Цитирую по В. Розову «Пушкин и Гете», Кіев, 1908 г., стр. 45, который ссылается на Сочиненія и переписку Плетнева, III, 333).

ныя былыя мечты (VI, XLIV), прощается сам со своей юностью и ободряет себя к дальнѣйшей жизни (VI, XLV, XLVI), подобно тому как это дѣлает в «Идеалах» Шиллер. Всѣ эти строфы, начиная от слов: «Увял! Гдѣ жаркое волненье», явно носят печать этого стихотворенія Шиллера.

Но еще важнѣе для нас, что и характеристика Ленскаго и его поэзіи во II-ой главѣ (строфы VIII—IX, а также варианты к VIII-ой строфѣ) дана по «Идеалам». Впрочем, Пушкин, как увидим ниже, пользовался не столько оригиналом, сколько русскими подражаніями Жуковскаго и Милонова. Понятно, почему? Пушкину нужно было в лицѣ Ленскаго представить образчик именно русских «элегических затѣй». Кромѣ того, в Ленском «много личных черт молодого Пушкина», как справедливо указывает Бродскій ¹⁾, а было время, когда он и сам ревностно подражал «Идеалам», которые теперь пародировал в романѣ. Между тѣм эти его юношескія стихотворенія и «Кавказскій плѣнник» показывают, что «Идеалы» были ему тогда знакомы именно в переводах и подражаніях Жуковскаго и Милонова.

Перейдем к этим подражаніям. «Идеалы» были у нас в эпоху Пушкина очень популярны ²⁾. Среди них в отношеніи к Пушкину для нас важны стихотворенія В. Жуковскаго: «Мечты» (1812 г.) и «Отрывок» (1806 г.) и М. Милонова: «К юности» (1812 г.) ³⁾ и «Спутники жизни» ⁴⁾. Отдѣльные мотивы из «Идеалов», отразившіеся у Пушкина, находим еще в посланіи Жуковскаго

¹⁾ См. «Комментарий», 71. Ср. еще у М. Л. Гофмана: «С образом Ленскаго в Пушкинѣ так неразрывно-тѣсно связалось воспоминаніе о своей ранней юности и грустных настроеніях той поры, что как только он говорит о Ленском — так тотчас вспоминает не только тон, но и отдѣльные образы и выраженія своих юношеских элегій», см. «Пушкин, психологія творчества», Париж, 1928, стр. 137—140.

²⁾ См. М. Милонов «К юности, подражаніе Шиллеровым «Идеалам», впервые в С.П.Б. Вѣстникѣ, 1812 г., I; вошло в собраніе его сочиненій 1819 г.; И. Шапочников «Мечтанія, перевод из Шиллера», см. Чтенія в Бесѣдѣ любителей русскаго слова», 1812 г.; В. Жуковскій «Мечты», впервые в Вѣстникѣ Европы, 1813 г., LXX; В. А. А...д...ов «Идеалы, подражаніе Шиллеру», см. Сѣверная Лира, 1827 г.; И. Петров «Идеалы», 1833 г.

Кромѣ того, «Спутники жизни» Милонова сжато передают содержаніе Шиллеровой элегіи, «Отрывок» Жуковскаго представляет незаконченное подражаніе ей, его посланія «К Филалету» (1808—9 г.) и «Тургеневу» (1813 г.) до извѣстной степени подражают ей, посланіе «К Батюшкову» изображает идеал поэта примѣнительно к ней. Отдаленное вліяніе ея находим в стихотвореніях Батюшкова: «Мечта» (1817 г.) и «Воспоминанія» (1815 г.).

³⁾ Op. cit., 35.

⁴⁾ Ib., 114.

»Ж Батюшкову« (1812 г.) и в стихотвореніи Милонова »Ж сестрѣ моей«¹⁾. Посмотрим теперь, как они передают оригинал.

Шиллер свою элегію называет »стихотворной жалобой« и »криком природы«²⁾. Это жалоба на постепенное увяданіе чело-вѣка, на угасаніе его творческой фантазіи, на исчезновеніе вмѣ-стѣ с юностью его возвышенных стремленій, идеалов, которые, как веселыя солнца, освѣщали его молодость, на обманчивость всѣх надежд (строфы 1—2).

»Идеалы« изображают жизненный путь чело-вѣка. Поэт вспо-минает золотое время своей жизни, молодость, когда все каза-лось ему прекрасным, божественным, когда он, подобно Пигма-ліону, оживившему нѣкогда холодный мрамор, одушевлял своим молодым порывом поэта бездушную природу, когда колесницу его жизни сопровождали еще его лучезарные спутники (3—7). Но постепенно эти свѣтлые спутники: любовь, слава, счастье, истина покидают его на полдорогѣ жизни и лишь луч надежды едва мерцает над его пустынной тропой (8—9). Вѣрными до гроба остаются только дружба и духовный труд, в которых поэт и ищет утѣшенія (10—11).

»Мечты« Жуковского представляют очень близкій перевод элегіи Шиллера. В них, как и в нѣмецком подлинникѣ, 11 строф по 8 строк в каждой. Его »Отрывок« не законченное вольное подражаніе »Идеалам«. Его содержаніе соответствует первым 4-м строфам Шиллера. В его посланіях »Ж Филалету« и »Турге-неву« имѣем лишь ряд общих с »Идеалами« мотивов. Стихотворе-ніе Милонова »Ж юности« является довольно свободным под-ражаніем Шиллеру. В нем всего 8 строф по 10 строк каждая, а не 11 по 8 строк, как в оригиналѣ. Три строфы он совсѣм выпустил, именно, тѣ, в которых поэт сравнивает себя с Пигма-ліоном (строфы 3, 4, 5 у Шиллера)³⁾. В остальных Милонов при-

¹⁾ П., 81.

²⁾ На упреки в растянутости поэт отвѣчал, что »Идеалы« »стихо-творная жалоба«, а »жалоба по природѣ своей многословна и всегда нѣчто вялое«. Конец же вял, потому что он хотѣл разстаться с чита-телем с этим чувством спокойной покорности (изд. соч. Шиллера Брок-гауза и Эфрона, I, 376). Ср. у Пушкина отзыв о предсмертной элегіи Ленскаго: »Так он писал темно и вяло« (VI, xxiii. Послѣднія слова напечатаны Пушкиным разрядкой).

³⁾ У Жуковскаго же образ Пигмаліона сохранен не только в »Меч-тах«, но и в »Отрывкѣ«, и Пушкин в своих произведеніях всякій раз, как упоминает о Пигмаліонѣ, перефразирует именно перевод Жуков-скаго, ср. »Кавказскій Плѣнник«, отрывок »Воспоминаньем упоенный« (1819 г.), стихотвореніе »Кн. Г-ой, при посылкѣ ей оды »Вольность«, »Евгеній Онѣгин« (начало IV-ой главы).

близительно придерживается плана «Идеалов», но внес и нѣкоторыя измѣненія, сказавшіяся впоследствии в творествѣ Пушкина¹⁾. Еще дальше отошло от оригинала другое подражаніе Милонова: «Спутники жизни». Оно представляет упрощеніе, своего рода стихотворный конспект «Идеалов». Начинается оно, так сказать, с 6-ой строфы Шиллера. Заключает 8 строф (опять-таки без Пигмаліона). В строфѣ на этот раз по 8 строк, как и у Шиллера. В концѣ стихотворенія находим важное для нас отступленіе от Шиллера. Потеряв на жизненном пути всѣх милых спутников: радость, славу, любовь, красоту и даже дружбу, поэт закаляет себя терпѣньем и одиночеством, между тѣм как Шиллер ищет утѣшенія в дружбѣ и трудѣ. Введеніе терпѣнья, как послѣдняго ресурса, мы встрѣтим и у Пушкина²⁾. Стихотвореніе Милонова «К сестрѣ моей» имѣет общими с «Идеалами» лишь отдѣльные мотивы.

Слово *Ideale* Жуковскій и Милонов перевели как «мечты», «мечтанія»³⁾. Они называют их «спутниками»⁴⁾, «вождями»⁵⁾, «призраками»⁶⁾. Эту условную поэтическую терминологию «Идеалов» в их русской передачѣ встрѣтим не раз и в ранних стихотвореніях Пушкина, и в «Кавказском плѣнникѣ», и на страницах «Евгенія Онѣгина» (ср. VI, xxxvi, xlv, также II, xxxix, путешествіе Онѣгина, стих 193).

Оплакивая гибель своих идеальных стремленій, наши переводчики подробно перечисляют их. У Жуковскаго в стихотвореніи «Мечты» это — мечты, надежда, луч-путеводитель, «вѣра к твореніям пламенной мечты», любовь, счастье, слава, истина (строфы 1, 2, 7), в «Отрывкѣ» опять мечты, надежды, луч, идеал святой, творенія фантазіи, стремленія к блаженству, вѣра земному совершенству; у Милонова — замыслы, мечты, дары

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. Посвященіе «Кавказскаго плѣнника» Н. Н. Раевскому и стихотвореніе «Предчувствіе» (1828 г.).

³⁾ Ср. у Жуковскаго уже перевод заглавія — «Мечты». Милонов переводит слово *Ideale* как «Мечты игривы» (см. «К юности»). Выраженіе Шиллера: «Die Ideale sind zerronnen» (строфа 2) переведено Жуковским «сокрылись сладкія души моей мечты» («Отрывок»), а Милоновым «мечты сокрылись отрадны» («К сестрѣ моей»).

⁴⁾ Ср. у Милонова «Спутники жизни», у Шиллера *Begleitung* (строфа 7), *Begleiter* (строфа 8), *Geleite* (строфа 10).

⁵⁾ Ср. у Жуковскаго «вожди отстали быстроноги» («Мечты»), у Милонова «вождь жестокой» («Спутники жизни»).

⁶⁾ Ср. «Погибли призраки волшебных заблужденій» (Жук. «Отрывок», ср. и «Мечты», строфы 2 и 7); «Так призраки сіи мгновенны сокрылись от моих очей» (Мил. «К юности», см. и «Спутники жизни», строфа 1).

фантазии, стремлений сердца жар и пр. («К юности», строфы 1, 6).

Комплекс этих выражений мы встретим и в юношеских подражаниях Шиллеру Пушкина, и на страницах «Евгения Онѣгина», относящихся к Ленскому (см. гл. II, vi).

Что касается внешней формы «Идеалов», важно отметить следующее. Шиллер начинает свое стихотворение вопросительным оборотом с обращением к юности: »So willst du treulos von mir scheiden?» (строфа 1), но об исчезновении идеалов говорит в положительной форме, утверждая факт:

Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt;
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt
и т. д. (строфа 2).

Жуковский же и Милонов и эту строфу перевели в вопросительной же форме, с повторяющимся вопросом: »гдѣ?«, »гдѣ?«, которым начинается каждое новое предложение: ¹⁾

Ср. »Гдѣ луч, которым озарялся
Путь юноши среди весенних пылких дней?
Гдѣ идеал святой, которым я плѣнялся?...
Гдѣ вы?» (Жук. »Отрывок«).
»О, гдѣ ты, луч путеводитель
Веселых юношеских дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?» (Жук. »Мечты«, строфа 2).
»Гдѣ вы, забавы лѣт счастливых,
Безпечность, радость и покой?
Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары фантазии благой?» (Мил. »К юности«).

Этот риторический прием — повторный вопрос — придал этой строфе в русском переводе больше пафоса. Его повторяет везде и Пушкин: и тогда, когда подражает «Идеалам» в своих ранних стихотворениях ²⁾, и тогда, когда пародирует их в «Евгении Онѣгине» ³⁾.

Далѣе, Жуковский в «Отрывке» в обращении к счастью повторяет нарѣчие «ужель»; см. »Ужель не возвратишься? Ужель навѣк?« И это повторение мы также встретим в подражаниях Пушкина.

¹⁾ В смыслѣ «звукписи» это повторяющееся »гдѣ« прекрасно соответствует повторному »Die« в каждой новой строке второй строфы у Шиллера.

²⁾ См. ниже »Послание к князю А. М. Горчакову« (1816 г.), »Дельвигу« (1817 г.), »Мнѣ вас не жаль« (1820 г.), »Ты прав, мой друг« (1821 г.).

³⁾ Ср., напр., гл. VI, xxxvi, »Увял, гдѣ жаркое волнение« и т. д.

»Идеалы« изображают жизнь человекѣка, поэта, в видѣ пути. Сперва веселый, потом мрачный (ср. *auf den finstern Weg* 9-ой строфы), он постепенно приводит к могилѣ (ср. *zum finstern Haus* в 10-ой строфѣ). Поэтому у Шиллера и его подражателей находим слова »путь«, »дорога« (ср. *Weg*, строфы 8, 9), »тропа« (ср. *Pfad*, строфа 2), »стезя« (ср. *Steg*, строфа 9); послѣдняя имѣет при себѣ эпитеты: »грубая«, »суровая« (ср. *auf dem rauhen Steg*, строфа 9). Ср. у Жуковского »путь юноши« (»Отрывок«), »путем жизни«, »стезею младости«, »с полудороги«, »тропой« (»Мечты«, строфы 6, 7, 8, 9), у Милонова »путь«, »стезя« (»Спутники жизни«, строфы 1, 6, 8), »тропой колючей«, »путь краткій к гробу протеку« (»К юности«, строфы 3, 8). Послѣдняя фраза повторяется у Пушкина в »Посланиі к князю А. М. Горчакову«.

Исчезающіе идеалы становятся добычей грубой дѣйствительности, которая их вытѣсняет: ср. *der rauhen Wirklichkeit zum Raube* 2-ой строфы. Жуковский перевел это выражение »существованностью злою« (»Отрывок«) и »истиной унылой« (»Мечты«). Милонов же замѣнил »дѣйствительность« »опытом«:

»И *Опыт* вѣсть меня явился
Тропой колючей, в тѣмѣ густой« (»К юности«, строфа 3).
»Там *Опыт* показал ей *строгий*
Злодѣйства страшныя дороги« (*ib.*, строфа 4).
»Мечты сокрылися отрадны,
Их грозный *опыт* отогнал« (»К сестрѣ моей«).

Опыт с тождественным эпитетом встрѣтим у Пушкина в посланиі »К Шишкову«. Правда, еще Карамзин перевел *Wirklichkeit* Шиллера »опытом« в своем »Посланиі к Дмитріеву«. ¹⁾ Эту же замѣну послѣ Карамзина и Милонова найдем также у Жуковского ²⁾ и Батюшкова ³⁾, но для нас важно, что Пушкин

¹⁾ В нем ясно видно подражаніе »Идеалам«, см.

»Надежды и мечты златыя, Как птички быстро улетят, И тѣни хладныя, густыя Над нами солнце затемнят«	ср. у Шиллера »Des Zweifels finstre Wetter zogen Sich um der Wahrheit Sonnenbild«
--	---

На мѣсто »красной весны« с ея »мечтами« является »опыт«:
»Но время, опыт разрушают
Воздушный замокъ юных лѣтъ«.

²⁾ »Тургеневу«: »Но опыт вдруг накиннул покрывало
На нашу даль — и там один лишь мрак«.

³⁾ См. »Воспоминанія« (1815 г.):

»Я чувствую, мой дар в поэзіи погас,
И муза пламенник небесный потушила;
Печальна Опытность открыла
Пустыню новую для глаз«.

»Мечта« (1817 г.): »Увы!« но с юностью исчезнут и мечтанья«, на мѣсто их »тусклый Опытность свѣтильник зажигает«.

в своих подражаниях употребляет слово *опыт* с эпитетами, близкими к Милоновским, а иногда и с тождественным с ними: ср. «строгий опыт»¹⁾.

Спутники Шиллера покидают поэта на пути. Он говорит о каждом из них в отдельности, но кратко. Любви посвящено двѣ строки:

»Ach, allzusehnell, nach kurzem Lenze
Entfloh die schöne Liebeszeit!« (строфа 9).

Жуковский в своем переводѣ так же краток:

»И быстро с быстрою весною
Прелестный цвѣт любви увял« («Мечты», строфа 9).

Но Милонов распространил сожалѣнія о любви на цѣлую строфу (5-ую), т. е. на цѣлых 10 строк²⁾; отголоски этих жалоб встрѣтим впослѣдствіи у Пушкина³⁾.

В окончаніе «Идеалов» Милонов внес особенный оттѣнок. Шиллер, покинутый идеалами, ищет утѣшенія в дружбѣ и трудѣ. Его «*Beschäftigung*» (строфа 11) Жуковский перевел как «труд неутомимый», Шапочников как «упражненье драгоценно»⁴⁾. Конечно, Шиллер имѣл в виду труд творчества. Милонов и подчеркнул, что рѣчь идет о поэтическом вдохновеніи: «О наслажденья чистых муз, восторг ваш» («К юности»). И у Пушкина выраженіе: «А ты, младое вдохновенье» («Евгеній Онѣгин», VI, XLVI) появилось вмѣсто сухого Шиллерова труда не без вліянія Милонова. Обычно в своих подражаниях Шиллеру он комбинирует оба перевода: и Жуковского и Милонова, ставя рядом и «труд» и «вдохновенье»⁵⁾: напр., «Я знал и труд и вдохновенье». Ближе всего *Beschäftigung* Шиллера передает выраженіе: «И ты, живой и постоянный, хотѣ малый труд» (Ев. Он., VIII. L).

Кромѣ того, Милонов внес в свое заключеніе бодрую ноту вмѣсто той «покорности», о которой говорил Шиллер в своей

¹⁾ См. «К Шишкову» и «Ты прав, мой друг».

²⁾ Между прочим отмѣтим, что начало 5-ой строфы у Милонова:

»С улыбкой ты меня манила,
Любовь, мечта прелестных дней!«

как бы намекает на первую редакцію «Идеалов» Шиллера (1795 г.), ср. Der Liebe süßen Traum entführte
Ach! allzusehnell der Hore Flug.«

Schillers Gedichte erläutert und auf ihre Veranlassungen, Quellen und Vorbilder zurückgeführt nebst Variantensammlung von Heinrich Viehoff. 7 Auflage. II Bd., стр. 63. Stuttgart, 1895.

³⁾ См. «Посланіе к князю А. М. Горчакову» и «Ты прав, мой друг».

⁴⁾ См. Соч. Шиллера, изд. Брокгауза и Ефрона, 377.

⁵⁾ См. «К Дельвигу» (1817 г.), «Ты прав, мой друг» (1821 г.), характеристику Ленскаго в вариантах к VIII строфѣ II-ой главы, изд. Поливанова, 1901 г., т. IV, стр. 195; Евг. Онѣг. VI, XLVI.

защитѣ элегии. Поэтому у него нѣтъ в концѣ ея той вялости, за которую обвиняли Шиллера его друзья. Эту бодрую ноту подхватил и Пушкин, заключая VI-ую главу своего романа, отмѣченную вліяніем «Идеалов» Шиллера (см. строфу XLV).

Еще мелочь. Оплакивая угасаніе генія (строфы 1, 2 у Шиллера), Жуковскій употребляет выраженія: *»творенія фантазіи моей«* («Отрывок») и *»творенья пламенной мечты«* («Мечты»). У Милонова вмѣсто «творенья» стоит «дары»: «дары фантазіи благой» («К юности»). С «дарами» мы встрѣтимся и в подражаніях Пушкина.

Перейдем теперь к отраженію «Идеалов» в произведеніях Пушкина. Начнем с лицейских стихотвореній.

Уже в его элегическом «Посланіи к князю А. М. Горчакову» (1816 г.)¹⁾ мотивы французской элегии²⁾ переплетаются с мотивами «Идеалов». Так прежде всего узнаем здѣсь вопросительную форму их русских подражаній в обращеніи к юности, с неизбѣжным «гдѣ»:

*»Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
С надеждами, во цвѣтѣ юных лѣтъ,
Мой милый друг, мы входим в новый свѣтъ«*³⁾

Напомним, что и «надежды» включены Жуковским в число идеалов⁴⁾. Но вообще «Посланіе» стоит ближе к Милоновскому подражанію. Ср. стихи 5-ый: *»Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной? и 16—18-ый:*

*Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы«*⁵⁾

с 2-ой строфой «К юности»: *»Гдѣ вы, забавы лѣтъ счастливых, безпечность, радость и покой?«* Как видим, и форма, и содержаніе, и настроеніе, и словарь тождественны. Подобно Шиллеру, он здѣсь изображает свою жизнь в видѣ пути.

Далѣе, в числѣ идеалов у Шиллера находилось и счастье: *»Das Glück mit seinem goldnen Kranz«* (строфа 7). Милонов под

¹⁾ Изд. под редак. Морозова, 1887 г., I, 130.

²⁾ Вліяніе предсмертной элегии Жильбера видят в концѣ посланія, гдѣ автор сравнивает себя с гостем, покидающим жизненный пир.

³⁾ Курсив наш.

⁴⁾ См. «Мечты», строфа 2-ая, и «Отрывок».

⁵⁾ «Твои златые годы» соотвѣтствуют выраженію Шиллера: *»Meines Lebens goldne Zeit«* (строфа 1).

вліяніем неокласических реминисценцій замѣнил его «Фортуной, лъстящею наградой». Фортуна появилась и у Пушкина:

Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указан путь, и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна».

И «путь», и «стезя» проникли сюда, конечно, из русских подражаній «Идеалам». Иногда Пушкин говорит прямо словами Милонова:

Смотря на *путь*, оставленный навѣк,
На *краткій путь*, усыпанный цвѣтами,
Которым я так весело *протек*».

Ср. «*Путь краткій к гробу протеку*» (Мил., «К юности», строфа 8).

Далѣе жалобы на обманувшую любовь Пушкин распространил, как и Милонов:

»Я слезы лью, я трачу *вѣк напрасно*,
Мучительным *желаніем* горя»,
»Я знал *любовь*, но я не знал надежды:
Страдал *один*, в безмолвіи любил».

Ср. у Милонова:

»*Пора любви* проходит *тщетно*,
Желанье гаснет непримѣтно,
И *одинокая* тоска
То ложе горькими *слезами*
Кропит, что для тебя цвѣтами
Моя украсила рука» («К юности», строфа 5).

Повторенія же:

»*Ужель* моя пройдет пустынно младость?...
Ужель умру, не вѣдая, что радость?»

возвращают нас снова к Жуковскому и его обращенію к молодости:

»*Ужель* не *возвратишься*?
Ужель навѣк?» («Отрывок»).

Впослѣдствіи Пушкин пародировал это мѣсто в «Евгении Онѣгинѣ»:

»*Мечты, мечты*, гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная к ней риѣма, младость?
Ужель и вправду, наконец,
Увял, увял ея вѣнец?
Ужель и впрямь, и в самом дѣлѣ,
Без элегических затѣй,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселѣ)?
И ей *ужель* *возврата нѣтъ*?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?» (VI, XLIV).

В связи с «Идеалами» стоит и примиряющее заключение «Послания»:

»И в жизни сей мнѣ будет в утѣшенье
Мой скромный дар и счастье друзей»,

соответствующее 10-ой и 11-ой строфам Шиллера.

В стихотворении «К А. А. Шишкову», того же 1816 года ¹⁾, в словах:

»Недолго снились мнѣ *мечтанья муз и славы*,
И *строгим опытом* невольно пробужден,
Уснув меж роз, на тернах я проснулся»

снова отозвался перевод Милонова, у которого на смѣну мечтам, в том числѣ фантазіи и славѣ, является «строгий Опыт» с его «колючею тропой» («К юности», строфы 3 и 4). Притом и Милонов исчезновение мечтаній юности изобразил как пробуждение от сладкаго сна:

»Как сна мечтаніе пріятно
Летит с зарею от очей» (ibidem, строфа 1).

Переходим к элегіи «Опять я ваш, о юные друзья!» (1816 г.)²⁾ Строки:

»Уж я не тот . . . Невидимой *стезей*
Ушла пора веселости *безпечной*.
Ушла *навѣк*, и жизни скоротечной
Луч утренній блѣднѣет надо мной;»
»Улыбку, смѣх, и рѣзвость, и *покой*,
Я все забыл».

представляют вариации на тему Шиллеровой жалобы, в которых слышится знакомый уже нам язык Жуковского и Милонова, ср. «*Безпечность*, радость и *покой*» («К юности»), «Ужель *навѣк*?» «Гдѣ *луч*, которым озарялся путь юноши среди весенних, пылких дней?» («Отрывок»). Слова:

»Минувших дней погаснули мечтанья
.
Умчались вы, дни радости моей!»

имѣют в виду тѣ же идеалы, гибель которых оплакивает Шиллер. Заключительным аккордом элегіи является также обращеніе к дружбѣ, но, впрочем, в другом духѣ, чѣм у Шиллера:

»О дружество, предай меня забвенью!»

Вспомним, что у Милонова и дружба попадает в число тѣх идеалов, которые оказались пустыми призраками.

¹⁾ Изд. Морозова, I, 154.

²⁾ Ib., I, 148—149.

В посланіи «Дельвигу» (1817 г.)¹⁾ опять встрѣчаем мотив «Идеалов» — жалобу на угасаніе поэтического творчества, при том в знакомой уже нам формѣ:

»Но *гдѣ* же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый *сердца жар*,
Одушевленный *труд* и слезы вдохновенья?
Как дым исчез мой легкой *дар*».

В обработкѣ его замѣтно вліяніе как Жуковского, ср. «труд неутомимый» («Мечты»), так и Милонова:

»Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары фантазіи благой?»
»Стремлений *сердца жар* потух» («К юности», строфы 2 и 6).

Этот мотив почти в тѣх же выраженіях Пушкин повторил затѣм в элегии: «Мнѣ вас не жаль, года весны моей» (1820 г.)²⁾. Поэту не жаль измѣнивших любви, друзей, забав. «Но, восклицает он,

гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младых *надежд*, сердечной тишины?
(Гдѣ прежній *жар* и) нѣга *вдохновенья*?
Придите вновь, года моей весны».

И в стихотвореніи «Ты прав, мой друг,» (1821 г.)³⁾ встрѣчаем, особенно в 4-ой строфѣ, ту же жалобу на гибель мечтаній юности и охлажденіе вдохновенія:

»И свѣт, и жизнь, и дружбу, и любовь
В их наготѣ я нынѣ вижу —
Но все прошло, остыла в *сердцѣ* кровь,
И мрачный *опыт* ненавижу».

В черновом вариантѣ стоит: «*Прошли мечты*, остыла в *сердцѣ* кровь, угрюмый *опыт* ненавижу».

Это противоположеніе мрачнаго (угрюмаго) опыта мечтам снова приводит нас к Милонову, ср. «К юности», (строфы 3, 4) и «К сестрѣ моей».

О разочарованіи в любви Пушкин первоначально говорил словами Милонова, которому «*Любовь мечта прелестных дней*» не открыла «небесной *красоты* своей» (см. «К юности», строфа 5), ср. у него в черновых:

»Я знал *любовь прелестною мечтой*,
вар. («*прелестную мечту*»), «и *красоту*»⁴⁾.

¹⁾ Соч. под ред. Морозова т. I, 167.

²⁾ Соч. Пушкина, академ. изд. II. 205.

³⁾ Ак. изд., III, 60.

⁴⁾ Ак. изд., III, прим., стр. 103,

Сходство с Милоновым чувствуется и в началѣ стихотворенія, ср. »Дары природы благосклонной« с Милоновским »Дары фантазіи благодати« («К юности», строфа 2), а »безпечных муз (вар. *безпечности*) удѣла« с его же »безпечность, радость и покой« (там же).

Слабѣе вліяніе Жуковского. Стоявшая в черновикѣ строка: »*Моей весны золотые* годы« перефразирует восклицаніе Жуковского: »О дней *моих весна золотая*«, а »*труд* и вдохновенье«, которые »знал« поэт, имѣют в виду тот же »труд неутомимый«, о котором говорит Жуковский.

Совсѣм по иному использовал Пушкин тот же трафарет в стихотвореніи: »Война« (1821 г.)¹⁾. Здѣсь его пугает мысль, что с его смертью погибнут и всѣ идеальныя стремленія его юности:

»И все умрет со мной: *надежды* юных дней,
Священный *сердца жар*, к высокому *стремленью*,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь«.

Это опять слова Милонова, ср. у него:

»*Стремленій сердца жар* потух.
Лишь благ протекших *вспоминанье*
Живит мой изнуренный дух« и др. («К юности»²⁾).

Эти свои стихи Пушкин впоследствии перефразировал, оплакивая смерть Ленскаго, см. гл. VI, xxxvi.

Стихотворенія своей юности, в которых отразились наши русифицированные »Идеалы«, равно как и самые переводы их Жуковского и Милонова, Пушкин впоследствии пародировал в своем романѣ.

Со смертью Ленскаго »во цвѣтѣ радостных *надежд*« он оплакивает гибель идеальных стремленій, надежд и мечтаній молодого шиллеріанца. Он пародирует Шиллерову жалобу в знакомой уже нам формѣ и в знакомых же выраженіях:

»Увял! *Гдѣ жаркое* волненье,
Гдѣ благородное *стремленье*
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нѣжных, удалых?»

¹⁾ Ак. изд., III, 49.

²⁾ Ср., впрочем, и у Жуковского »Батюшкову«: »К прекрасному стремленью«.

*Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой» (VI, xxxvi).*

Каждая строка здѣсь нам уже понятна и знакома. Остается пояснить лишь «страх порока и стыда». Тут снова вліяніе Милонова, у котораго поэта, покинутаго мечтами, пугает «порока лик» («К юности», строфа 4), а у Жуковскаго «музы» — «друзья стыдливых» («К Батюшкову», 1812 г.).

В Ленском Пушкин хоронил свою собственную молодость с ея идеалами. Поэтому сѣтованія о Ленском естественно вызвали в душѣ его сожалѣніе и о самом себѣ, о собственной юности, о разрушеніи своих мечтаній и надежд:

*»Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ вѣчная к ней рѣюма, младость?
Ужель и вправду, наконец,
Увял, увял ея вѣнец? ¹⁾
Ужель и впрямь, и в самом дѣлѣ,
Без элегических затѣй,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселѣ)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?» (VI, xlv).*

Здѣсь он пародирует главным образом Жуковскаго, ср. у того «сладкія мечты», повторное «ужель» в «Отрывкѣ», «тебѣ *возрата нѣтъ*» в «Мечтах», но намекает так же и на свои юношескія упражненія в элегическом жанрѣ: «без элегических затѣй», «что я шутя твердил доселѣ» ²⁾.

И в слѣдующих строфах Пушкин продолжает тему «Идеалов». В строфѣ XLV-ой, прощаясь с юностью, он, слѣдуя Шиллеру, перечисляет и все, что она ему дала, но не жалуется, как нѣмецкій поэт и его подражатели, а благодарит:

*»Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милья мученья» и т. д.*

Любопытно, что здѣсь он ближе стоит к нѣмецкому оригиналу,

¹⁾ Это мѣсто ближе напоминает другое стихотвореніе Шиллера: «Der Jüngling am Bache», гдѣ юноша в подобных выраженіях оплакивает свою юность: «Und so bleicht meine Jugend, wie die Kränze schnell verblühen». Стихотвореніе это также переведено Жуковским, см. «Жалоба», 1811 г.

²⁾ Кромѣ разобранных выше стихотвореній, см. и «Пробужденіе», 1816 г.: «мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?»

гдѣ так же имѣем противоположеніе радостей и страданій: «Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden» (строфа 1), чѣм Жуковскій, у котораго находим только: «С мечтами, радостью, тоской». Не имѣя под руками французскаго перевода Шиллера, бывшаго у Пушкина, не можем рѣшить, взял ли он эту черту из нѣмецкаго текста непосредственно или нашел ее у французскаго переводчика.

Вліяніе Милонова сказывается в обращеніи к юности:

»Но так и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!»

которое, если не содержаніем, то формой напоминает обращеніе Милонова:

»Ты утекаешь невозвратно,
О время юности мой!» («К юности»).

Далѣе, простившись с юностью, Пушкин ищет радости в поэтическом творествѣ:

»А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье», и т. д. (VI, XLVI).

Этот горячій призыв напоминает такое же энергичное обращеніе к Музам Милонова, который вялый конец Шиллеровских «Идеалов» с их сухим *Beschäftigung* согрѣл своим поэтическим «восторгом» и вмѣсто унылой примиренности Шиллера внес бодрую ноту:

»О наслажденья чистых Муз!
Восторг ваш, непорочность, силу,
Вливайте в грудь мою унылу,
Гоните ¹⁾ горесть и тоску
Прелестных ваших струн игрою,
Да с *бодрой* я еще *душою*
Путь краткій к гробу протеку» («К юности», строфа 8).

Эту бодрую заключительную ноту, которая болѣе соотвѣтствовала его жизнерадостности, Пушкин повторил за Милоновым в концѣ VI-ой главы:

»Довольно! С *ясною душою*
Пускаюсь нынѣ в новый *путь*
От жизни прошлой отдохнуть» (VI, XLV) ²⁾.

¹⁾ Неясное и спорное мѣсто в Пушкинском стихотвореніи «Мечтатель» (1815 г.): «Гоните (гони) мрачную печаль», с обращеніем к *музѣ* и *мечтанію*, по нашему мнѣнію, является реминисценціей из Милонова.

²⁾ В черновых: «Туда, гдѣ (должно) можно отдохнуть», изд. Поливанова, IV, 249.

Таким образом в концѣ VI-ой главы «Евгенія Онѣгина» Пушкин развил почти всю тему «Идеалов» по порядку: 1. гибель идеалов с юностью (строфа XXXVI), 2. побѣда суровой дѣйствительности: «Другія хладныя мечты, другія *strogія*¹⁾ заботы» (XLIII), 3. прощаніе с юностью и ея дарами (XLV), 4. примиреніе с жизнью, утѣшеніе в творчествѣ (XLVI).

Хотя элегію Ленскаго и описаніе его могилы Пушкин написал во французском элегическом стилѣ, но сам Ленскій создан им не по французскому образцу. «Не вам чета был строгій Ленскій», обращается поэт к фривольным французским элегикам и их подражателям, противопоставляя им своего героя²⁾. Напротив он неоднократно подчеркивает его связь с нѣмецкой поэтической и интеллектуальной традиціей. В Германіи почерпнул Ленскій и свои идеи, и настроенія, и манеру держаться, и даже наружность:

«Он из Германіи туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Дух пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плеч» (II, vi).

Того же происхожденія и его собственная поэзія:

«Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем» (II, ix).

Поэтому и характеристика Ленскаго во II-ой главѣ романа дана Пушкиным в приподнятом стилѣ нѣмецкой поэзіи. Готовый уже образ такого поэта с чистой душой и возвышенной музой, созданный по нѣмецкому образцу, в частности по «Идеалам», Пушкин нашел у Жуковскаго в его элегическом посланіи «К Батюшкову» (1812 г.). Связь же стихотворенія Жуковскаго с «Идеалами» Шиллера вскрывается легко³⁾. Переходим прямо к сравненію идеальнаго поэта у Жуковскаго с Ленским.

¹⁾ Вспомним «строгій Опыт» Милонова (см. «К юности») и стих. самого Пушкина: «К А. А. Шишкову».

²⁾ Соч. Пушкина, ред. Морозова, III, 264, черновыя к IX-ой строфѣ II-ой главы.

³⁾ Поэта Жуковскаго, как и Шиллера в «Идеалах», одушевляють тѣ же мечты, призраки, высокія стремленія и чувства, обоготвореніе природы, труд и поэзія. Поэт Жуковскаго «лишь то *боготворит*, что благо, что *прекрасно*» (I, 101), ср. Шиллера, который оплакивает, «*Was einst so schön, so göttlich war*». Когда жизнь разбивает мечты поэта и любовь, он ищет утѣшенья в поэзіи, при чем его обращеніе к музѣ, своему «путеводителю»: «О, добрый геній мой, послѣдних благ спаситель» (I, 102) вполне соотвѣтствует послѣдней строфѣ «Идеалов».

Оба отличаются младенческой невинностью. Первый, «призраками богатый, беспечною дитя»¹⁾, слил «в душѣ спокойной младенца чистоту с величіем свободы»²⁾. О втором мы узнаем, что «пѣснь его была ясна, как сон младенца» (II, x). Первый одушевляется славой, которая «чужда порока»³⁾, второй также знает «страх порока и стыда» (VI, xxxvi). Поэзія первого так чиста, что «и дочери стыдливой заботливая мать гармоніи игривой сама велит внимать»⁴⁾, но и «стихи» Ленскаго, «конечно, мать велѣла б дочери читать» (II, ix, черновой вариант)⁵⁾. Обоих характеризует простота. У первого «чувство в простотѣ, как тихій день сіяет», второй «в пѣснях гордо сохранил» «прелесть важной простоты» (II, ix). Обоих «воспламеняет» слава и стремленіе ко благу. Жуковскій твердит, что «слава» «в могущей красотѣ . . . себя являет» лишь «душам спокойным» поэтов, «в них воспламенив к великому порыв, к прекрасному стремленью, ко благу страстный жар»⁶⁾. Но и в Ленском так же «душа воспламенилась» (II, ix). И он знал «жаркое волненье» и «благородное стремленью» (VI, xxxvi). «Ко благу чистая любовь, и славы сладкое мученье в нем рано волновали кровь» (II, ix). Поэтому и муза поэта должна быть возвышена. «И мы не посрамим поэтов достоянья», обращается Жуковскій к Батюшкову: «О друг! Служенье муз должно быть их достойно»⁷⁾. Таков именно Ленскій: «Муз возвышенных искусства, счастливцев, он не постыдил; он в пѣснях гордо сохранил всегда возвышенныя чувства» (II, ix). Любовь поэта, по Жуковскому, должна быть столь же чиста, как и его муза. «Отвергни сладострастья погибельны мечты», убѣждает он Батюшкова: «и не восторгов — счастья в прямой ищи любви»⁸⁾. Совершенно по этому рецепту Ленскій, «поклонник истиннаго счастья, не славил сѣти сладострастья» (II, ix, чер. вар.). Милая, по Жуковскому, «одна» во всей вселенной; ея присутствіе он чувствует

1) Соч. Жук., I, 100.

2) Иб., 103.

3) Иб., 100.

4) Иб., 101—102.

5) Хотя в примѣчаніи к этой строфѣ Пушкин ссылается на Пирона, первоисточник этого изреченія, но предыдущія заимствованія у Жуковскаго показывают, что для него непосредственным источником было посланіе «К Батюшкову», Соч. Жук., I, 100.

6) Иб.

7) Иб., 102.

8) Иб., 103.

всегда повсюду: любовь «*один* вездѣ являет душѣ твоей *предмет*»¹⁾. Совершенно так же и влюбленный Ленскій видѣлъ всюду «*один предмет, одно желанье*», свою Ольгу (II, xx, черн. вар.)²⁾. Наконец, оба поэта умѣют чередовать поэтическій труд с отдыхом. Первый знает «животворящій труд, веселіе досуга»³⁾. Второй «вѣдал труд и вдохновенье и освѣжительный покой» (II, vii, черн. вар.).

Остается привести еще чисто стилистическія совпаденія между посланіем Жуковскаго и характеристикой Ленскаго. «*Душа моя согрѣта* вліяньем горних сил, и вся ничтожность *свѣта* в глазах моих, как сон», увѣряет Жуковскій⁴⁾. «От хладнаго разврата *свѣта* еще увянуть не успѣв, его *душа* была *согрѣта* привѣтом друга, лаской дѣв» (II, vii), сообщает Пушкин о Ленском. «Мой друг, да не сквернится твой непорочный *жар*: любовь есть *неба дар*», говорит Жуковскій⁵⁾. А Ленскій вѣрил, «что жизнь их лучшей *неба дар*, и мыслей неподкупный *жар*...» (II, viii, черн. вар.)⁶⁾.

Таким образом родственная связь Ленскаго с возвышенным поэтом-идеалистом Жуковскаго, а при его посредствѣ и с Шиллером и его «Идеалами», несомнѣнна. В особенности ярко выступает она, если привлечь и черновые, впоследствии отброшенные поэтом варианты. Вѣроятно, они именно потому и были исключены Пушкиным, что слишком явно напоминали хорошо всему литературному міру извѣстное произведеніе Жуковскаго. В окончательной редакціи стиль был поэтому нѣсколько измѣнен, но в основном содержаніи характеристика элегическаго поэта в духѣ Шиллера осталась та же.

Пушкин не раз еще намекает на страницах своего романа на наши русскія подражанія «Идеалам». Современники легче, чѣм мы, понимали эти намеки. «То, что нынѣ нами переживается как общее элегическое мѣсто, во времена Пушкина звучало как направленная литературная цитация, как сознательное и явное обнаженіе литературнаго фона произведенія»⁷⁾,

1) Соч. Жук., I, 104.

2) Соч. Пушкина, изд. Поливанова, 1901, IV, 199.

3) Соч. Жук., I, 102.

4) Ъ., 99.

5) Соч. Жуковскаго, I, 103.

6) Соч. Пушкина, изд. Поливанова.

7) См. Томашевскій: «Пушкин — читатель французских поэтов», «Пушкинист», IV, Петроград, 1922, стр. 224.

Поэтому, когда Пушкин говорит:

»Для *призраков* закрыл я вѣжды;
Но отдаленныя *надежды*
Тревожат сердце иногда« (II, xxxix);¹⁾,

то современники совершенно опредѣленно понимали, о каких призраках идет рѣчь: это — мечты юности, идеалы, свѣтлая свита спутников жизни Шиллера. Иногда Пушкин даже и удареніе в словѣ призрак, в силу вольной или невольной ассоціаціи, ставит по Жуковскому:

»Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней« (I, xlvi).

Ср. у Жуковского: »*призраков* прежних красоты« («Мечты») и »*призраками* богатый« («К Батюшкову»).

Ясный намек на «Идеалы» имѣется в черновых вариантах »Путешествія Онѣгина«. В извѣстной тирадѣ: »В ту пору (молодости) мнѣ казались нужны пустыни, волн края жемчужны« и т. д. на мѣстѣ стиха: »И гордой дѣвы идеал« первоначально стояло: »И между ими *идеалы*«. ²⁾ Эти *идеалы молодости*, конечно, восходят к Шиллеру. Далѣе Пушкин переходит к терминологіи русских переводчиков Шиллера: »Смирились вы, *моей весны* высокопарныя *мечтанья*«. »Мечт[анья]« же первоначально стояло вмѣсто »тревоги« и во фразѣ: »мир вам, тревогип рошлых лѣт«³⁾.

Есть еще один яркій слѣд вліянія »Идеалов« в романѣ Пушкина. Это образ Пигмаліона, обнимающаго холодный мрамор, в началѣ IV-ой главы (2 строфа). Он встрѣчается уже в раннем творествѣ Пушкина и тѣсно связан в его памяти с именем Шиллера, как видно из черновика его письма к Гнѣдичу по поводу »Кавказскаго Плѣнника«⁴⁾.

Дѣйствительно, Шиллер в »Идеалах« сравнивает себя, пламеннаго поэта, с Пигмаліоном, а равнодушную природу, которую он оживляет своим поэтическим порывом, — с холодным мрамором⁵⁾. Жуковскій сохранил этот образ в обоих переводах

¹⁾ Ср. у Милонова:

»Так *призраки* сіи мгновенны
Сокрылись от моих очей«.

²⁾ Соч. Пушкин., изд. Поливанова, IV, 284—285.

³⁾ П., первоначальный вариант: »Мир вам, *мечтанья* прежних лѣт«.

⁴⁾ См. ниже.

⁵⁾ Строфы 3 и 4; см. и стих. »Der Triumph der Liebe«.

«Идеалов» («Отрывок» и «Мечты»), и у Пушкина сильно чувствуется влияние именно перевода Жуковского.

Приводим текст Жуковского:

»Как нѣкогда Пигмаліон,
С надеждой и тоской объемя хладный камень,
Мечтая слышать в нем любви унылый стон,
Стремился передать весь жар, весь страстный пламень,
Всю жизнь своей души в созданіе рѣзца,
Так я, воспитанник свободы,
С любовью, с радостным волненіем пѣвца,
Дышал в объятіях природы
И мнил бездушную согрѣть, одушевить!
Она подвиглась, воспылала!
Безмолвная могла со мною говорить,
И пламенным моим лобзаньям отвѣчала» («Отрывок»).

и

»Как древле рук своих созданье
Боготворил Пигмаліон —
И мрамор внял любви стенанье,
И мертвый был одушевлен —
Так пламенно объята мною
Природа хладная была;
И полная моей душою,
Она подвиглась, ожила»,
И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла язык» («Мечты») ¹⁾.

Элегія Пушкина: «Воспоминаньем упоенный» (первоначально «К Кагульскому памятнику»), 1819 г., осталась недосказанной и не разгаданной. Но к кому бы ни относилось это стихотворение ²⁾, ясно, что Пушкин изобразил в нем себя, поэта, в роли пламеннаго ³⁾ Пигмаліона, обнимающаго бездушный мрамор, оживляемый его воспоминаніем. При этом в строках:

»С благоговѣньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Воспоминаньем оживленный»,

ощущается язык Жуковского. Ср. «С надеждой и тоской объемя хладный камень» («Отрывок») и «Мрамор внял любви стенанье», «Она подвиглась, ожила» («Мечты»).

Еще замѣтнѣе влияние Жуковского в стихотвореніи: «Кн. Г-ой, посылая ей оду «Вольность» (1817 г.) ⁴⁾. В началѣ его находятся стихи:

¹⁾ Курсивом печатаю выраженія, которые повторяет Пушкин.

²⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 81—83.

³⁾ См. «меня воспаляют нынѣ», изд. Ак. Н., II, 31.

⁴⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., 113, 496.

»Простой воспитанник природы,
 Так я, бывало воспевал
 Мечту прекрасную Свободы
 И ею сладостно дышал»,

которые представляют перефразировку строк Жуковского:

»Так я, воспитанник свободы,
 С любовью, с радостным волнением пѣвца,
 Дышал в объятіях природы« (»Отрывок«).

Подобное же перенесеніе пламенных чувств поэта с природы на свободу видим позднѣе и в »Кавказском Плѣнникѣ«. Герой поэмы выступает в роли Пигмаліона. »Отступник свѣта, друг природы, он так же »с вѣрой, пламенной мольбою« обнимал »гордый идол« »свободы«¹⁾. Но в роли Пигмаліона выступает не только плѣнник, а и черкешенка. На это имѣется указаніе самого автора, который тѣсно связал сюжет поэмы с »былью« о Пигмаліонѣ. »Прелестная быль о Пигмаліонѣ, обнимающем холодный мрамор (плѣнила нѣкогда), нравилась пламенному воображенію Руссо (и Шиллера)«²⁾, писал он Гнѣдичу по поводу сюжета »Кавказскаго Плѣнника«³⁾. Конечно, он имѣл в виду аналогію, хотя и отдаленную, между жаркой любовью черкешенки к охлажденному плѣннику⁴⁾ и пламенной страстью Пигмаліона к статуѣ⁵⁾.

Имя Шиллера в связи с »Кавказским Плѣнником« Пушкин упомянул неспроста. Можно сказать, что в этой поэмѣ Шиллер боролся с Байроном. Пушкин писал, что в своем героѣ он »хотѣл изобразить это равнодушіе к жизни и к ея наслажденіям, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19 вѣка«⁶⁾. Образы подобнаго охлаждения дал Пушкину не только Байрон, но и Шиллер в своих »Идеалах«. »Идеалы« тоже оплакивают охлажденіе души к наслажденіям и радостям жизни. Милонов в »Спутниках жизни« (подражаніе »Идеалам«) совершенно опредѣленно жалуется:

»Блага міра мнѣ безцѣнны,
 Наслажденье мнѣ отдай!«⁷⁾

¹⁾ Изд. Ак. Н., II, 231—232.

²⁾ Обращаю вниманіе на отраженіе здѣсь языка Жуковского: »Холодный мрамор«, »пламенный« »так нѣкогда Пигмаліон«, »объемля« и т. д.

³⁾ Переписка под ред. Саитова, I, 42.

⁴⁾ Ср. »Как тяжело мертвыми устами живым лобзаньям отвѣчать«, или он »для нѣжных чувств окаменѣл«, изд. Ак. Н., II, 245.

⁵⁾ См. Вл. Розов »Пушкин и Гете«, Кіев, 1908 г., стр. 91.

⁶⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 485.

⁷⁾ Соч., 1819 г.

Ср. и жалобы плѣнника на то, что он «отвыкъ от *наслажденья*»¹⁾. Кроме того, сам Пушкин успѣх «Кавказскаго Плѣнника» приписывал в послѣдствіи «нѣкоторым *элегическим* и описательным стихам» его²⁾. Эти элегическія мѣста представляютъ большей частью жалобы на тему о погибших иллюзіяхъ в духѣ и стилѣ русскихъ подражателей «Идеаламъ» — Милонова и Жуковскаго.

Такъ строки, гдѣ плѣнникъ изображенъ в видѣ Пигмаліона, обнимающаго идолъ свободы, сопровождаются элегическими сѣтованіями на его охлажденіе къ жизни, на гибель возвышенныхъ чувствъ и мечтаній.

«И вы, послѣднія *мечтанья*,
И вы *сокрылись* от него».

Ср. у Жуковскаго: «*Сокрылись* сладкія души моей *мечты*» («Отрывокъ») и у Милонова: «*Мечты сокрылися* отрадны» («Къ сестрѣ»)»³⁾.

В черновыхъ вариантахъ имѣемъ и другія точки соприкосновенія с Милоновымъ: «(*Исчезли*) (*милья*) *мечтанья*»⁴⁾. Ср. у того: «*исчезло все*, что прежде льстило» («Къ юности»).

В воспоминаніяхъ плѣнника о юности (см. В Россію дальній путь ведетъ, в страну, гдѣ *пламенную*⁵⁾ младость» и пр.) слышится то же сожалѣніе о погибшихъ иллюзіяхъ молодости:

«Страну . . . , гдѣ первую позналъ онъ *радость*,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ *обнялъ* грозное *страданье*,
Гдѣ *бурной жизнью* погубилъ
Надежду, радость и желанье
И лучшихъ дней воспоминанье
В увядшемъ *сердцѣ* заключилъ».
«В сердцахъ *друзей* нашедъ *измѣну*,
В мечтахъ *любви* безумный *сонъ*»⁶⁾.

Ср. у Милонова:

«В обманахъ, скорби и *страданьи*
Стремленій *сердца* жаръ потухъ,
Лишь благъ *прошекшихъ* *вспоминанье*
Живитъ мой изнуренной духъ».
«*Желанье* гаснетъ непримѣтно» («Къ юности»).

¹⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 430, см. черновые варианты къ 2-ой части поэмы.

²⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 486. Курсивъ нашъ.

³⁾ Соч., 1819 г.

⁴⁾ Изд. Ак. Н., II, прим. 399.

⁵⁾ Эпитеты «пламенный», «бурный» обычны у русскихъ подражателей «Идеаламъ», ср. выше у Жуковскаго.

⁶⁾ Изд. Ак. Н., II, 231. Здѣсь у Пушкина поэтическая мода совпала съ дѣйствительностью.

В «Спутниках жизни» Милонов жалуется, что «жизни бурной¹⁾ сред теченья» он «много встрѣтил» «в пути» спутников: «встрѣтил *Радость*», *Дружбу*, *Любовь* с *Красотой* и пр., но всѣ они обманули его. Между прочим *любовь* оказалась «сон минуты»²⁾.

Как видим, в приведенных отрывках общи и основная мысль, и настроеніе, и ряд выражений. Герой Пушкина даже утѣшает обманутое *сердце* подобно Милонову *воспоминаніем*.

В исчезнувших иллюзіях плѣнник, как и Шиллер, видит «печальной истин(ы)ѣ замѣну»³⁾, повторяя довольно необычный синтаксическій оборот Жуковского («Мечты»). Эта борьба у Пушкина между *ы* и *ѣ* в словѣ истина яснѣе всего доказывает, что в его памяти вертѣлся именно приведенный стих Жуковского: «Добыча истинѣ унылой».

Повѣствованіе о жизни плѣнника в горах также перемежается элегическими изліяніями. Ср. «Не вдруг увянет наша младость» и пр., «но *вы*, живыя впечатлѣнья (вар. *мечтанья* сердца *молодыя*), не прилетаете *вы* вновь»⁴⁾. В черновых борьба с поэтической волной, идущей от Шиллера видна очень ясно. Пушкин здѣсь говорит: «*прелестное мечтанье*» и «*волшебное мечтанье*», ср. у Милонова «*мечта прелестных дней*» («К юности») и у Жуковского «призраки *волшебных заблужденій*» («Отрывок»). Рядом с «мечтаньями» у Пушкина первоначально стоял их перечень, знакомый уже нам из русских переводов «Идеалов»: «Но *вы* живыя впечатлѣнья, (восторги), надежды, (чистая) робкая любовь, восторги, слезы упоенья»⁵⁾. Въмѣсто «сон любви забытой» в черновой находим «призрак забытый»⁶⁾, причем призрак имѣет удареніе на *а*, как у Жуковского. Улетая мечтанья оставляют по себѣ, как у Милонова («К юности»), только воспоминаніе: ср., «(оставя) . . . (воспоминанье) желанье»⁷⁾.

Объясненіе с черкешенкой также прерывается знакомой уже нам элегической жалобой:

»Несчастный друг, зачѣм не прежде
Явилась ты моим очам.
В тѣ дни, как вѣрил я *надеждѣ*
И упоительным *мечтам!*

¹⁾ Ср. еще в элегіи Ленскаго: «Разсвѣт печальный *жизни бурной*».

²⁾ Соч., 114.

³⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., 397.

⁴⁾ Изд. Ак. Н., II, 235, и прим., 410.

⁵⁾ Ъ., прим., 411.

⁶⁾ Ъ., прим., 452.

⁷⁾ Ъ., прим., 410.

Но поздно: умер я для *счастья*,
Надежды призрак улетѣл и т. д. ¹⁾.

Всѣ эти мечты, призраки, надежды извѣстны нам из переводов Жуковского и Милонова. Еще яснѣе связь с ними в черновых вариантах этого объясненія:

»Слетѣли с изумленных вѣжд —
 (Исчезли), (как *мечты*), (*призраки*) (*пустыя*) ²⁾.
 С тѣх (пор) *исчезли дни златые*
 (Не знаю) С тѣх ³⁾ не вѣдаю *надежд* . . . « ⁴⁾

В прощальных словах черкешенки опять слышится перепѣв жалоб Милонова:

»Я знала все, я знала *радость*,
 Но все прошло, пропал и *слѣд*« ⁵⁾.

Ср. у Милонова:

»Я . . . встрѣтил *Радость* — и мгновенья
 Не успѣл я с ней пройти;
 Оглянулся: прочь от взора!
 Не оставив и *слѣда*« ⁶⁾.

Кромѣ того, слова черкешенки: «*Ужель навѣкъ* погибла радость?» отражают скорбный упрек Жуковского улетѣвшему счастью: «*Ужель навѣкъ?*» («Отрывок»).

В «Идеалах» Шиллера на смѣну любви и прочих возвышенных иллюзій выступает в роли утѣшительницы дружба. Эта дружеская опора и у Шиллера, и у Милонова символизируется образом руки: ср. »Der Freundschaft leise, zarte Hand . . . du, die ich frühe sucht' und fand« («Die Ideale», строфа 10-ая), «Лишь ты ко мнѣ *простерла руку*» («К юности»), «*Дай мнѣ руку*» («Спутники жизни») ⁷⁾.

У Пушкина в роли утѣшительницы плѣнника послѣ терпѣнных им разочарованій является черкешенка. Может быть,

¹⁾ Изд. Ак. Н., II, 425.

²⁾ Ср. у Милонова: «Так *призраки* сіи мгновенны сокрылись от моих очей» («К юности»).

³⁾ Пропущено слово «пор».

⁴⁾ Позднѣе Пушкин почти повторил эти стихи в «Евгениі Онѣгинѣ»:

Для *призраков* закрыл я *вѣжды*,
 Но отдаленныя *надежды*
 Тревожат сердце иногда.

⁵⁾ Изд. Ак. Н., II, 251.

⁶⁾ Соч., 114, «Спутники жизни».

⁷⁾ Курсивом обозначаю выраженія, повторенныя впоследствии Пушкиным. Впервые этот образ встрѣчаем у него уже в 1817 г.: «Мнѣ дружба руку подала», Стансы, изд. Мороз., I, 168.

поэтому стихи Милонова, обращенные к дружбѣ, у Пушкина прочно связались с образом черкешенки. Открыв ей свое сердце и отказавшись от ея любви, плѣнник говорит ей: «Прости . . . дай руку». Что эта фраза не случайна, а упорно доминировала среди других мыслей и образов, видно из того, что она в черновых повторяется семь раз в этом видѣ и два в формѣ: «подай мнѣ руку»¹⁾. В свою очередь и черкешенка, освободив плѣнника, обращается к нему со словами: «Дай руку мнѣ . . . в' послѣдній раз». Далѣе узнаем о плѣнникѣ:

»К черкешенкѣ *простер* он *руки*,
Воскресшим сердцем к ней летѣл,
И долгій поцѣлуй *разлуки*
Союз любви запечатлѣл.

Затѣм «рука с рукой» они «сошли ко берегу в тишинѣ»²⁾. Ср. у Милонова:

»Усладить ея (любви) *разлуку*
Дружба манит в свѣтлый храм:
В путь-дорогу! *Дай мнѣ руку*,
Что ни будет — пополам.
»Вот *рука* и посох дан« (»Спутники жизни«).

Милоновская риѐма «руку» — «разлуку», хотя и не понадобилась там Пушкину, все-же осталась у него между строк в стихах 97—99 второй главы «Кавказскаго Плѣнника»:

»Прости . . . дай руку — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалит хладная *разлука*«.

А Милоновское «усладить» дало рефлекс в черновом вариантѣ к стиху 95 той же главы. Разказав черкешенкѣ о своих страданіях, вызванных не раздѣленной любовью, плѣнник продолжает: «Их раздѣлить не можешь ты», но в первоначальном наброскѣ стояло: «их *усладить*»³⁾. И сама черкешенка предлагает герою поэмы: «я *услаждала* б жребій твой»⁴⁾.

Таким образом в поэмѣ Пушкина в характеристикѣ плѣнника и в переживаніях черкешенки отразились почти всѣ жа-

¹⁾ Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 430—433.

²⁾ Изд. Ак. Н., II, 251.

³⁾ Ib., II, прим. 431. В окончательной редакціи таким образом побѣдило собственное выраженіе Шиллера, ср. Du . . . , Der Freundschaft leise, zarte Hand, Des Lebens Bürden liebend *theilest*.

⁴⁾ Милонов нерѣдко употребляет в примѣненіи к утѣшеніям дружбы этот глагол. Ср. «Лишь ты ко мнѣ простерла руку, мнѣ *услаждаешь* скорбь и муку», «Какую радость иль мученье не *уследишь* собою ты?» («К юности»).

любы Шиллера: на измѣнившія мечты, любовь, дружбу, радость. Остается еще слава. Но Пушкин говорит и о славѣ при том так, что реминисценція из Милонова не может оспариваться:

»Но русской равнодушно зрѣл
Сии кровавыя забавы.
Любил он прежде игры славы
(вар. Не раз под знаменами славы)¹⁾
И жаждой гибели горѣл«²⁾.

Ср. у Милонова:

»Зрю зовет богиня славы, но
»Жаждой вѣчною томимой«³⁾
Я бѣжал ея знамен« («Спутники жизни»).

Так постепенно в текстѣ поэмы и его вариантах вскрывается язык русских подражаній «Идеалам», и рядом с Байроном выступает тѣнь Шиллера, конечно, в первоначальных набросках болѣе ясно, чѣм в окончательной редакціи. Очень интересно наблюдать борьбу этих двух вліяній в процессѣ созданія «Кавказскаго Плѣнника».

Тема дружбы разрабатывается Пушкиным в посвященіи к этой поэмѣ: «Н. Н. Раевскому»:

»Но сердце укрѣпив свободой и терпѣньем,
Я ждал безпечно лучших дней,
И счастье моих друзей
Мнѣ было сладким утѣшеньем«⁴⁾.

Так и Шиллер и его подражатели находили утѣшеніе в дружбѣ а Милонов, кромѣ того, укрѣплял себя и терпѣніем — черта чисто русская, перенятая у него и Пушкиным, ср. у Милонова:

»Кто преткнется, о Терпѣнье!
Укрѣпясь твоим жезлом?« («Спутники жизни»).

И о сладости дружбы тот же Милонов говорит не раз: «усладить ея разлуку дружба манит в свѣтлый храм» («Спутники жизни»), «О дружба, сердца услажденье» («К юности»). Но Пушкин в духѣ своих новых идеалов добавил свободу, которой нѣтъ ни у Шиллера, ни у его русских подражателей⁵⁾.

От Шиллера же может итти у Пушкина и образ бури,

¹⁾ Изд. Ак. Н., прим., 458:

²⁾ Иб., II, 240.

³⁾ Ср. «Пророк» Пушкина: «Духовной жаждою томим», изд. Мороз. II, 2.

⁴⁾ Иб., II, 225.

⁵⁾ Если не считать выраженія Жуковскаго: «Такъ я, воспитанник свободы», гдѣ слово «свобода» однако не имѣет политическаго значенія, в каком его употребляет Пушкин.

утишаемой дружбою. »Und du, обращается Шиллер к труду: die gern sich mit ihr (= Freundschaft) gattet, Wie sie (= Freundschaft), der Seele Sturm beschwört. Как видим, рѣчь идет об успокоеніи душевных бурь. Пушкин сообразно с обстоятельствами своей жизни говорит о бурях внѣшняго характера, намекая на грозу, которая постигла его со стороны правительства. Этот образ имѣем уже в эпилогѣ к »Руслану и Людмилѣ«:

»И между тѣм грозы незримой,
Сбиралась туча надо мной.
Я погибал . . . Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Бользненной души моей! ¹⁾
Ты умолила непогоду«.

Однако далѣе говорится: »ты сердцу возвратила мир«. В стилѣ отрывка больше всего ощущается вліяніе Жуковского, хотя у послѣдняго, согласно с его характером, исчез всякій слѣд Шиллеровской бури, ср.

»Ты, уз житейских облегчитель,
В душевном мракѣ милый свѣтъ,
Ты, дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній с юных лѣтъ«.

Немного далѣе дружба выступает и как »души хранитель« (»Мечты«).

В посвященіи »Кавказскаго Плѣнника« дружба уже выступает в роли утишителя внутренних бурь души, как и у Шиллера:

»Когда я погибал безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всѣх сторон,
Когда кинжал измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили —
Я при тебѣ еще спокойство находил,
Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили.
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я в мирной пристани богов благословил«,

пишет Пушкин, обращаясь к Н. Н. Раевскому.

Стихотвореніе »Предчувствіе« (1828 г.) тайной психологической нитью связано с этим бурным періодом юности Пушкина. Быть может, новыя преслѣдованія, вызванныя стихотвореніем

¹⁾ Ср. у Шиллера »Der Freundschaft leise, zarte Hand« и »Du, die du alle Wunden heilest.«

«Андрей Шенъе», вызвали в его памяти первое испытанное им гонение и связанное с ним ободряющее значение дружбы, и он возвращается к языку того времени (Эпилога к «Руслану и Людмилѣ» и Посвященія «Кавказскаго Плѣнника») ¹⁾.

При этом в первой половинѣ стихотворенія, говорящей о новых угрозах рока, мы узнаем язык 7-ой строфы элегіи Милонова «К юности», которая перечисляет, от каких бѣд охраняет дружба:

»Снова *тучи* надо мною
Собралися в тишинѣ,
Рок завистливый *бѣдою*
Угрожает снова мнѣ . . .
Сохраню-ль к *судьбѣ* презрѣнье?
Понесу-ль навстрѣчу ей
Непреклонность и *терпѣнье*
Гордой *юности* моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно *бури* жду» ²⁾.

Ср. у Милонова «К юности»:

»О дружба . . . какія в мірѣ сем *бѣды*,
Какую горестъ, иль мученье
Не усладишь собою ты? . . .
Что *рок* бы нам ни присудил,
С тобой и слабый бодр творится,
Судеб гоненья не страшится:
Твой щит их стрѣлы притупил.»

А в «Спутниках жизни» находим выраженіе «*жизни бурной* средь теченья» и указаніе на спасительную роль *терпѣнья*.

Во второй половинѣ стихотворенія, гдѣ Пушкин обращается за поддержкой к дружбѣ, чувствуется язык второй строфы Милоновских «Спутников жизни» и прощальнаго разговора черкешенки с плѣнником:

Но предчувствуя *разлуку*,
Неизбѣжный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, *руку*
Я спѣшу в послѣдній раз.

Любопытно, что стихотвореніе Пушкина написано тѣм же размѣром, что и «Спутники жизни», а это у него часто является доказательством заимствованія.

¹⁾ На это указал уже Гофман: «Пушкин. Психологія творчества», Париж, 1928 г., стр. 129. Мы указываем ниже и на связь стихотворенія с «Кавказским Плѣнником».

²⁾ Изд. Морозова, 1887 г., II, 39.

Итак, вот выводы, к которым мы приходим. Вопреки господствующему мнѣнію Пушкин уже в своем раннем творчествѣ вдохновлялся не только французской и англійской поэзіей, но и нѣмецкой, в лицѣ Шиллера.

Знакомство его с Шиллером началось, конечно, еще в лицѣ. Его товарищи: Дельвиг и Кюхельбекер старались передать ему свое увлеченіе нѣмецкой поэзіей и служили ему, в особенности послѣдній, ея пламенными комментаторами ¹⁾.

Из стихотвореній Шиллера наиболѣ замѣтный слѣд в поэзіи Пушкина оставили «Идеаль», пользовавшіеся большой извѣстностью у нас. Подражанія им Пушкина показывают вліяніе переводов и передѣлок Жуковского и Милонова.

Это чувствуется не только в лирикѣ Пушкина, но и в поэмѣ «Кавказскій плѣнник». Здѣсь тонкій лед байронизма тает в элегической струѣ, идущей от Шиллера.

Пушкин и сам признал это свое бывшее увлеченіе «Идеалами» в строфах «Евгенія Онѣгина». Он пародирует здѣсь свои раннія упражненія в Шиллеровском духѣ и окружает своего младшаго брата Ленскаго атмосферой своего самаго любимаго стихотворенія из лирики Шиллера. В концѣ VI-ой главы он развивает всю тему «Идеалов» по порядку, а послѣднюю главу романа завершает послѣдним аккордом элегіи Шиллера — благодарностью труду-утѣшителю:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой вѣрный *идеал*,
И ты, живой и *постоянный*
Хоть *малый труд*. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в *бурях свѣта*,
Бесѣду сладкую *друзей*.

З. Розова.

¹⁾ См. «Дельвиг», 1831 г. (Соч. Пушкина, ред. Морозова, V, 159: «Клопштока, Шиллера и Гете прочел он (т. е. Дельвиг) с одним из своих товарищей живым лексиконом и вдохновенным комментарием». Ср. и Розов «Пушкин и Гете», стр. 45—49.

PAMĚTI A. S. PUŠKINA

SLAVIA

Časopis pro slovanskou filologii

S podporou ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník XIV. Sešit 3.

Tiskem a nákladem Československé grafické Unie a. s. v Praze

1937